

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.3.9](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.9)
EDN [KVLEGK](https://edn.kvlegk.ru)
УДК 316.44

И. С. Шаповалова¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия

САМООЦЕНКА МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В рамках изучения социальных стратегий молодёжи важным аспектом становится определение тех факторов социализации, которые влияют на выбор таких стратегий и их последующую реализацию. Одним из таких факторов является экономическое положение семьи молодых людей. Данный фактор формирует разные условия социализации, создавая предпосылки для формирования определённых стратегических диспозиций, направлений и горизонта жизненного планирования. Цель статьи состоит в изучении связи между самооценкой материального положения и жизненными стратегиями молодёжи в соответствии с экономическими условиями социализации. В статье представлены результаты социологического мониторинга 2022 года «Социальные стратегии молодёжи», проведённого на территории Белгородской области. Ключевые социальные стратегии проанализированы на основании типологии молодёжи по субъективной оценке уровня материального положения (высокий, выше среднего, средний, ниже среднего). Результаты исследования показывают наличие реальной связи между самооценкой материального положения и установками на определённые социальные стратегии. Выявлено противоречие между близостью стратегических установок низкодоходных и высокодоходных групп молодёжи.

Ключевые слова: молодёжь; самооценка материального положения; социальные стратегии; социальные диспозиции; стратификация

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодёжи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Для цитирования: Шаповалова И. С. Самооценка материального положения и социальные стратегии молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 150–163. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.9](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.9). EDN [KVLEGK](https://edn.kvlegk.ru)

Введение. Социальные стратегии молодёжи являются важной характеристикой как поколенческих групп (относительно статический показатель), так и индикатором кризисов и рисков, с которыми молодёжь сталкивается в современном мире (отражение динамики). Многолетние исследования в этой области, проводимые Международным центром социологических исследований НИУ «БелГУ», показывают, насколько реактивны социальные диспозиции, жизненные планы и модели принятия решений молодёжи по отношению к изменениям внешней среды [1; 2; 3].

Однако социальные стратегии также являются и показателем стратификации в молодёжной среде, разрушая иллюзию равенства возможностей, шансов и устремлений, обусловленных далеко не равными условиями жизни молодых людей.

Одним из важнейших стратификационных признаков являются экономические возможности семей, дающие материальный и финансовый старт для из-

начального формирования социальных стратегий, а потом и их реализации. Этот вопрос не стоит настолько остро, как должен, возможно, из-за хаотично формируемых карьерных и социальных лифтов, возникающих на основе проектной активности, поддерживаемой молодёжными организациями. Немаловажной здесь становится и трансформация рынка труда, когда появляются возможности самозанятости, самопродвижения, в том числе и в интернет-пространстве. Но наши исследования показывают наличие неравенства в социальных стратегиях молодёжи на основе самооценки её социально-экономического статуса, что проявляется, прежде всего в установках, в особом горизонте жизненного планирования, определяющим жизненную концепцию и жизненный путь молодых людей.

Вопросы экономической стратификации в смысле реализации карьерных и политических стратегий (поколенческий аспект), изучаются [4], но скорее речь идёт об итоговом результате достижений уже «взрослой» молодёжи и её социально-экономического статуса. Часто такая стратификация представлена в монографических исследованиях, как основа портрета экономических групп [5], как иллюстрация проблемы расслоения на конкретной территории [6; 7]. Достаточно исследований, посвящённых экономической социализации молодёжи [8; 9] и её экономическому поведению, моделям – то есть, скорее экономическим тактикам [10; 11; 12; 13].

Влияние экономических условий на самосознание молодёжи подчёркивают в своих работах В. И. Чупров и Ю. А. Зубок [14; 15; 16; 17; 18]. Современная ситуация формирует определённые модели жизненной регуляции и жизненные смыслы, которые напрямую связаны с жизненной ситуацией семьи, её возможностями, транслируемыми ценностями, доступностью вариантов жизненного выбора. И хотя, как отмечают авторы, «существенную роль в процессе смыслообразования играет базовая культура, образцы которой содержатся в коллективном бессознательном, непосредственно связанным с историческим опытом. <...> Значимое влияние на смысложизненные ценности молодёжи оказывают повседневные знания и опыт, накапливающиеся в результате её взаимодействий с другими» [19, с. 164].

Важность всех стратификационных признаков, среди которых и самооценка материального положения, подчёркивает в своей методологической статье о саморегуляции в условиях неопределённости [20] Владимир Ильич Чупров, определяя её, и тем самым акцентируя специфику молодёжи с низким уровнем жизни, как форму «поведенческой реакции молодых людей (молодёжи как социальной группы) на недостаточные возможности, предоставляемые средой. <...> как способность оптимального выбора в ситуациях возникающего риска» [20, с. 58]. В своей работе, посвящённой саморегуляции жизнедеятельности молодёжи, В. И. Чупров описывает механизм, лежащий в основе саморегуляции, в котором показывает переход от архетипов и габитусов к смысложизненным ценностям, влияющим непосредственно на саморегуляцию, и, как следствие, определяющим модели поведения и жизненный выбор молодёжи [21]. Эти идеи подтверждены в исследованиях авторского коллектива и представлены в целом ряде публикаций [22; 23], в том числе и посвящённых жизненным стратегиям молодёжи [24]. Тем самым, для нас становится очевидным то, что экономический уровень семьи, формируя особую социокультурную ситуацию, создаёт специфические социализационные условия, непосредственно влияющие на образцы саморегуляции, результатом которого становятся социальные стратегии молодёжи. И самооценка своего материального положения молодыми людьми играет далеко не последнюю роль. Она является отражением социального благополучия и социальных притязаний молодёжи.

В статье проанализированы результаты социологического мониторинга «Социальные стратегии молодёжи» за 2022 год, проведённого в Белгородской области. Результаты прошлых волн представлены в статьях авторского коллектива [25; 26; 27; 28; 29]. В 2022 году в исследовании приняли участие 6995 представителей региональной молодёжи, распределённой по группам учащейся, студенческой и работающей молодёжи. Исследование позволило определить социальные установки по 12 социальным стратегиям, в статье представлены установки молодёжи с разным уровнем материальной обеспеченности (высокий, выше среднего, средний, ниже среднего (низкий уровень не зафиксирован в статистически значимом значении)) по 9 основным стратегиям, наиболее ярко показывающим результаты стратификации в молодёжной среде, и важным в том числе и для обоснования государственной молодёжной политики.

Экономические стратегии. Изначально в исследовании была заложена типология экономического поведения, которая позволила установить среди молодёжи представленность вариантов отношения к экономическим ресурсам: накопительная (депозитная) модель поведения, гедонистическая модель поведения, предпринимательская модель поведения и аскетическая модель экономического поведения и восприятия экономических ресурсов.

Разный *уровень материального положения* (УМП) молодёжи трансформирует структуру отношения к экономическому ресурсу следующим образом (Рисунок 1). Низкий экономический уровень материального положения (для простоты изложения в дальнейшем используется именно эта формулировка, которой мы будем обозначать группу с доходом ниже среднего) обуславливает выбор накопительной экономической стратегии и одновременно второй по выбору становится альтруистическая стратегия – здесь она представлена больше, чем в других экономических группах. Дефицит финансов создаёт установку на их накопление, создание «подушки безопасности» или, как ценностная альтернатива – «деньги не главное».

Средний уровень материального положения даёт равенство трех ведущих стратегий, а уровни «выше среднего» и «высокий» выводят в приоритет стратегию предпринимательства, хотя и гедонизм не чужд этим группам. Такие акценты объяснимы большей финансовой свободой, возможностью потребительского выбора, а также преимуществом экономических стратегий.

Рисунок 1. Связь самооценки материального положения с экономическими стратегиями

Таким образом, экономическая стратификация среди молодёжи создаёт определённые предпосылки для формирования приоритетных установок и горизонта возможностей.

Политические стратегии. По политическому поведению молодёжь распределилась от индифферентной позиции до активного политического выбора и деятельности. Четыре типа политического поведения могут быть условно обозначены, как индифферентный, вовлечённый, погруженный и пассивный (слабо интересующийся политикой).

Молодые люди с низким и высоким уровнями материального положения чаще других продуцируют индифферентный и погруженный в политику тип (Рисунок 2). В группе с низким уровнем больше чем во всех остальных группах политически активной молодёжи; менее всего она представлена в группе со средним уровнем материального благополучия. Это ситуация объяснима с точки зрения возможностей социальной мобильности, которую может создать политическая активность, и, если для группы с низким уровнем материального положения такой способ является реальной возможностью социального продвижения, то для тех, кто не страдает от дефицита финансового ресурса и сильной мотивации «вырваться» в иной социальный слой нет, такой способ часто становится либо неприемлемым, либо ресурсно-затратным (с позиции личностных и временных ресурсов).

Пики по политической продвинутости среди экономически благополучной молодёжи, показывают, что политические стратегии входят в спектр возможного развития, как и предпринимательство в экономических стратегиях. Политически же пассивный тип скорее характерен для групп среднего уровня дохода, чем крайних по уровню материального положения групп.

Рисунок 2. Связь самооценки материального положения с политическими стратегиями молодёжи

Общественные стратегии. По типам общественных стратегий молодёжь разделилась на пять типологических групп: эгоцентристы, событийные активисты, общественники, члены общественных объединений и общественные лидеры. По сути, общественная активность двух первых групп весьма ограничена и очерчивается кругом необходимых мероприятий.

Стоит отметить, что представители групп с низким и высоким уровнями материального положения чаще других продуцируют эгоцентричный тип и реже

показывают событийную активность (Рисунок 3). Чаще всего тип событийной активности встречается у молодёжи среднего уровня благосостояния. Добровольческий потенциал в группе с низким и средним уровнями практически одинаков (составляет порядка 10%), в группе с материальным положением выше среднего – 15,0%, в группе с высоким – 16,0%. Таким образом, наиболее общественно активными становятся молодёжь в «беспроблемных» с точки зрения материального положения групп. Возможно, общественная активность – это «модный» досуг или атрибут принадлежности к определённым социальным группам. Если такая тенденция сохранится, общественная деятельность перейдёт в разряд характеристик успешных экономических групп (или просто, успешных групп молодёжи), возможно станет элитарной и будет показывать новые направления социального разрыва и стратификации, формирования специфической субкультуры.

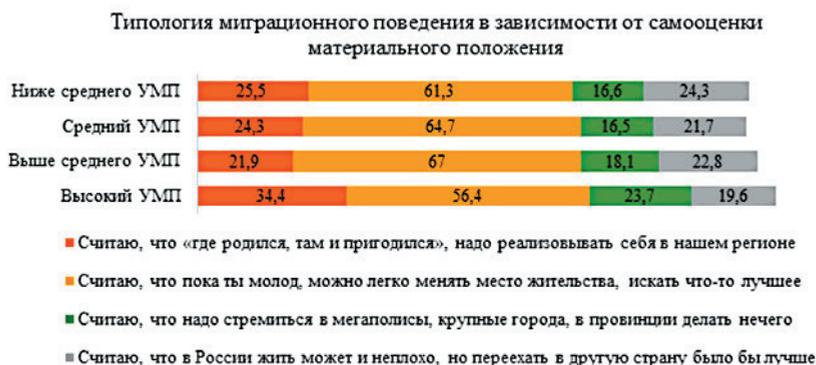
Рисунок 3. Связь самооценки материального положения с общественными стратегиями молодёжи

Миграционные стратегии. В рамках изучения миграционных стратегий выделены такие типы: мобильный (мигрирующий в силу молодого возраста), оседлый, эмигрирующий и урбанистический (меняющий сельские поселения на города).

Среди разных экономических групп оседлый и урбанистический тип чаще встречается среди молодёжи с высоким уровнем материального положения, что обусловлено хорошей финансовой ситуацией и возможностью её преемственности (переход капитала между поколениями).

Мобильный тип, который ориентирован на смену места жительства, по причине «возрастной мобильности» («мы уезжаем, потому что мы молоды» – примерно такой ответ дают на фокус-группах типичные представители этого типа) характерен для группы среднего и выше среднего уровней благосостояния, и группа с уровнем выше среднего здесь превалирует. Такой выбор понятен: для территориальной мобильности необходимы финансовые ресурсы, а для формирования соответствующей установки нужна свобода выбора.

Эмиграционный тип более других предпочтителен для молодёжи с низким материальным положением, и данное обстоятельство может обозначать реализацию социальной мобильности посредством внешней миграции (Рисунок 4). При отсутствии финансового «тыла» такой выбор является скорее мечтой, формируя предпосылки последующей маргинализации данной группы молодёжи.

Рисунок 4. Связь самооценки материального положения с миграционными стратегиями молодёжи

Карьерные стратегии. Типология карьерных стратегий разделяет всю исследуемую молодёжь на четыре основных группы: карьерные «пацифисты», карьерные пессимисты, карьерные рационалисты и карьерные активисты.

Среди разных экономических групп тип карьерного активиста чаще встречается среди молодёжи с уровнем материального положения выше среднего, рационалист – в среднем по уровню слое (обе экономические группы). А вот карьерный пессимист преимущественно включает молодёжь с низким уровнем достатка. Карьерный пацифист чаще всего характерен для молодёжи с высоким уровнем, но в значительной степени представлен и среди молодёжи с низким материальным положением. Для всех групп приоритетным типом становится тип карьерного активиста (Рисунок 5). В целом карьерная ориентация молодёжи с низким материальным положением составляет 54,8%, со средними – 66,7%, выше среднего – 72,8%, с высоким – 57,3%. Таким образом, группы со средними доходами и такой же самооценкой (обе группы) составляют основную часть потенциального карьерного резерва региона. Парадоксальная близость позиций двух крайних групп стратификационной пирами-

Рисунок 5. Связь самооценки материального положения с карьерными стратегиями молодёжи

ды определяется полюсными условиями социализации – группы молодёжи с низким уровнем жизни проходят опыт социального окружения, когда карьера либо не приносит дохода, либо продвинуться попросту невозможно; группы с высоким уровнем, по сути, приходят к тому же выводу, наблюдая, что карьера не играет решающей роли в обеспечении финансового благополучия, а зачастую мешает реализации предпринимательских стратегий (а часто и вовсе не совместима с ними).

Духовно-нравственные стратегии. Духовно-нравственные установки в социальных стратегиях представлены следующими типами: тип ситуативной духовности, тип высокой духовности, конформный тип, циничный тип.

Среди разных экономических групп тип ситуативной духовности чаще встречается среди молодёжи, оценившей уровень своего материального положения как «средний» и «выше среднего». А высоко духовный тип чаще всего формируется в группе молодёжи, определившей уровень своего положения как «высокий», но и циничный тип также представлен в рамках этой группы (Рисунок 6). Полярность позиций объясняется и ориентацией в других стратегиях, например, общественной и волонтерской активностью данного типа в общественных стратегиях.

Рисунок 6. Связь самооценки материального положения с духовно–нравственными стратегиями молодёжи

Образовательные стратегии. По отношению к образованию молодёжь демонстрирует несколько диспозиций, которые определяют установки и будущий выбор образовательных стратегий. Так, для большинства опрошенных близкими стали утверждения о том, что человек должен учиться всю жизнь и заниматься самообразованием. Несколько менее популярен ответ «человек должен периодически проходить повышение квалификации по своей профессии». В меньшинстве остались те, кто считает, что полученных в образовательной организации знаний достаточно и те, кто считает итоговым школьный уровень знаний.

Среди разных экономических групп тип с ориентацией на повышение квалификации чаще встречается среди молодёжи, материальное положение которой, соотносено с уровнями «средний» и «выше среднего». А необходимость учиться всю жизнь как установка, чаще представлена в группах молодёжи с высоким и

низким уровнями материального положения (Рисунок 7). Парадоксальная схожесть взглядов в этих группах указывает на сформированность аналогичного социализационного результата: образование, знание, компетенции стоят вложений и приносят результат. В случае группы с высоким экономическим уровнем, возможно, сказывается поколенческий пример, в случае второй группы – дефицит или пример неправильного использования, отсутствие компетенций монетизации культурного капитала.

Рисунок 7. Связь самооценки материального положения с образовательными стратегиями молодежи

Самосохранительные стратегии. По отношению к своему здоровью молодые люди распределились на четыре основных группы по типу самосохранительных стратегий: сознательный, осознающий, перспективный, не сознательный.

Среди разных экономических групп сознательный тип, уже сейчас ориентированный на сохранение своего здоровья, в наибольшей степени представлен в группе с высоким уровнем материального положения, более того, только в этой группе данный тип является преобладающим по отношению к остальным (Рисунок 8). Это весомый социализационный результат и стратификационная характеристика, показывающая отношение к здоровью в семьях с высоким достатком, как к важнейшему ресурсу, способствующему достижению всех жизненных целей, залогом или условию реализации всех остальных жизненных стратегий. Данный тип менее всего представлен в группе со средним доходом. А осознающий тип для обеих групп со средним уровнем является приоритетным. Стремление к здоровому образу жизни признается важной ценностью в этих группах. Отложенное самосохранение (перспективный самосохранительный тип) и невнимание к своему здоровью чаще встречается в группах молодежи с низким экономическим уровнем. Данная позиция объяснима как с точки зрения ценностной приоритетности (есть более насущные потребности и задачи, более актуальные ценности, востребованные стратегии, определяющие социальную мобильность), так и с ресурсной позиции – здоровый образ жизни требует финансовых вложений, материального, временного и организационного ресурса, которыми данная группа может попросту не обладать.

Рисунок 8. Связь самооценки материального положения с самосохранительными стратегиями молодёжи

Самореализационные стратегии. Среди типов стратегий самореализации были выделены: самореализационно-ориентированный тип, самореализационно-дезориентированный, самореализационно-отстраненный и самореализационно-уничижительный.

Среди разных экономических групп тип с ориентацией на самореализацию чаще встречается у молодёжи с высоким уровнем материального положения и реже всего – с низким. Все остальные типы имеют практически обратную динамику показателей (Рисунок 9). Таким образом, группа молодёжи, имеющая, по самооценкам, невысокие экономические возможности, чаще демонстрирует модели поведения, характерные для типов, требующих помощи и участия органов молодёжной политики – именно среди представителей этой группы чаще встречаются те, кто не могут определиться с направлением своей самореализации (самореализационно-дезориентированный тип) или считают, что не имеют потенциала для самореализации (самореализационно-уничижительный тип). Это обусловлено меньшими возможностями, ресурсным дефицитом и, возможно, теми установками, которые сформировались в процессе социализации.

Рисунок 9. Связь самооценки материального положения с самореализационными стратегиями молодёжи

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в составе молодежи региона устойчиво просматривается превалирование определённых позиций, что особенно характерно для групп с низкими оценками материального положения. Как правило, эта группа молодежи обладает более жёстким восприятием мира, миграционной готовностью, образует большие группы риска по ряду стратегий. В диспозициях групп с высоким материальным положением просматривается лояльность, свобода выбора. Но одновременно исследование фиксирует парадокс: часто две крайние по самооценкам группы совпадают по характеру своих стратегий. Схожий результат, к которому приводят разные средовые условия – тот самый социальный парадокс, когда полярные ситуации формирует похожие стремления и ценности по большинству жизненных диспозиций. Это означает, что в их основе лежат не столько материальные условия и их восприятие, сколько социокультурные. Это может стать основой интеграции, как в положительном, так и в негативном аспектах. Наличие ресурсов в группе с повышенными возможностями может помочь реализовать негативные стратегии обеим группам (при условии попадания в одно социальное поле реализации стратегии) и, напротив, ресурсы этой группы могут помочь решить проблемы второй группы в ситуации объединения их в рамках одного социального поля.

Исследование показывает, что уровень экономического положения семьи закладывает фундамент жизненного планирования, влияет на его горизонт и установки по реализации жизненных планов, в том числе даёт основания и для неравенства в социальных стратегиях молодежи, которое не всегда диктует выбор более пассивной или негативной стратегии, но однозначно определяет стратегические предпочтения, ведущие к социальной мобильности молодежи.

Библиографический список

1. Кисленко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути или каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 83–94. DOI [10.31857/S013216250024385-6](https://doi.org/10.31857/S013216250024385-6). EDN [ODCAGO](https://www.edn.ru/ODCAGO).
2. Шаповалова И. С., Заводян И. С. Поколение Z: ценности, диспозиции и социализационные результаты // Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения. Уфа : Башкирский государственный университет, 2021. С. 25–45. EDN [AXSGPC](https://www.edn.ru/AXSGPC).
3. Шаповалова И. С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионология. 2021. Т. 29, № 4(117). С. 902–932. DOI [10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932](https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932). EDN [SJMMSI](https://www.edn.ru/SJMMSI).
4. Беляева Л. А. Поколение Y в России: социальная стратификация, положение на рынке труда и проблемы политической социализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 4. С. 220–237. DOI [10.15838/esc.2020.4.70.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.13). EDN [FPBVAO](https://www.edn.ru/FPBVAO).
5. Дидковская Я. В., Вишневицкий Ю. Р., Трынов Д. В. Студенчество индустриальных регионов России: социальное самочувствие и образ будущего (на примере Свердловской области и Пермского края) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 8–24. DOI [10.15593/2224-9354/2020.1.1](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.1.1). EDN [KTQZVK](https://www.edn.ru/KTQZVK).
6. Зайцев Д. В., Суркова И. Ю., Селиванова Ю. В. Социально-экономическое благополучие и социальная напряженность в Приволжском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 3. С. 494–502. DOI [10.22363/2313-2272-2019-19-3-494-502](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-494-502). EDN [YPDDJR](https://www.edn.ru/YPDDJR).
7. Обухов К. Н., Колесников Д. О. Социально-экономическое положение молодежи на территории Удмуртской республики (по материалам ежегодного мониторинга «Молодежь Удмуртии») // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3, № 2. С. 131–138. EDN [ZLAWJB](https://www.edn.ru/ZLAWJB).

8. Дробышева Т. В., Сарычев С. В., Мурзина Ю. С. [и др.]. Экономическая социализация учащейся молодежи с разным уровнем экономической мобильности: факторы и механизмы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, № 4. С. 341–347. DOI [10.18500/2304-9790-2019-8-4-341-347](https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-4-341-347). EDN [AMKGC0](https://www.edn.ru/AMKGC0).
9. Азарёнок Н. В. Особенности экономической социализации современной молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11, № 5. С. 6–11. EDN [YJGNGB](https://www.edn.ru/YJGNGB).
10. Дробышева Т. В. Предикторы потребительских предпочтений молодежи – жителей мегаполиса (на примере предпочтений смартфонов) // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2020. № 3. С. 161–168. DOI [10.33910/herzenpsyconf-2020-3-72](https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-72). EDN [RDSIRY](https://www.edn.ru/RDSIRY).
11. Забелина Е. В., Честюнина Ю. В., Трушина И. А. [и др.]. Специфика структуры экономических установок молодежи в поликультурном обществе // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. 2019. № 4. С. 204–213. EDN [LIVXNF](https://www.edn.ru/LIVXNF).
12. Смирнова Н. П., Сафонова М. А., Шабашова Е. В. Связь экономико-психологических характеристик личности и морального выбора // Пензенский психологический вестник. 2018. № 2(11). С. 54–70. DOI [10.17689/psy-2018.2.5](https://doi.org/10.17689/psy-2018.2.5). EDN [YPZSDR](https://www.edn.ru/YPZSDR).
13. Азарёнок Н. В. Монетарные стратегии экономического поведения молодежи с различным социально-демографическим уровнем // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. Т. 12, № 5. С. 6–10. EDN [YVXAXM](https://www.edn.ru/YVXAXM).
14. Чупров В. И., Быкова С. Н. Молодежь России на пороге рынка: между бедностью и нищетой // Социологические исследования. 1991. № 9. С. 62–68. EDN [ZXEDZH](https://www.edn.ru/ZXEDZH).
15. Чупров В. И., Zubok Ю. А., Певцова Е. А. Молодежь и кризис: диалектика неопределенности и определенности в социальном развитии. М. : Русское слово, 2009. 237 с. EDN [ULCWVD](https://www.edn.ru/ULCWVD).
16. Zubok Ю. А., Чупров В. И., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М. : Норма, 2015. 230 с. ISBN 5-02-006294-4. EDN [YFLEAP](https://www.edn.ru/YFLEAP).
17. Zubok Ю. А., Чупров В. И. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 1. С. 41–57. DOI [10.15838/esc.2017.1.49.3](https://doi.org/10.15838/esc.2017.1.49.3). EDN [YGKGXZ](https://www.edn.ru/YGKGXZ).
18. Zubok Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 12–48. EDN [ZFBDYV](https://www.edn.ru/ZFBDYV).
19. Zubok Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 4. С. 164–186. DOI [10.19181/vis.2019.31.4.614](https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614). EDN [SBTVHF](https://www.edn.ru/SBTVHF).
20. Чупров В. И. Социальная регуляция нелинейных процессов в условиях неопределенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2008. № 3. С. 53–65. EDN [JKGMAR](https://www.edn.ru/JKGMAR).
21. Чупров В. И. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 4. С. 13–25. DOI [10.23683/2227-8656.2018.4.1](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.4.1). EDN [XYBOLZ](https://www.edn.ru/XYBOLZ).
22. Zubok Ю. А., Чупров В. И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 3. С. 3–13. DOI [10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1). EDN [YLIANZ](https://www.edn.ru/YLIANZ).
23. Zubok Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3(157). С. 13–41. DOI [10.14515/monitoring2020.3.1602](https://doi.org/10.14515/monitoring2020.3.1602). EDN [GTXODD](https://www.edn.ru/GTXODD).
24. Zubok Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С. [и др.]. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 3. С. 79–98. DOI [10.19181/vis.2021.12.3.738](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.738). EDN [YXTHRJ](https://www.edn.ru/YXTHRJ).
25. Шаповалова И. С. Досуговые стратегии молодежи: факторы досугового выбора и культурная карта досуга // Научные результаты социологии – 2022. Сб. статей. по матер. II Междунар. науч. онлайн-форума / Отв. ред. И. С. Шаповалова. Белгород : НИУ «БелГУ», 2023. С. 196–204. EDN [HIMMGL](https://www.edn.ru/HIMMGL).
26. Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 2(107). С. 345–362. DOI [10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362](https://doi.org/10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362). EDN [VWPPZY](https://www.edn.ru/VWPPZY).

27. Шаповалова И. С. Политические стратегии молодежи: будет ли наша политика молодой? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 39–45. DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45). EDN [RHTLHO](https://www.edn.ru/entry/18189601-2022-22-1-39-45).
28. Шаповалова И. С. Карьерные стратегии провинциальной молодежи // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 3(140). С. 173–182. DOI [10.17922/2071-3665-2021-20-3-173-182](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-3-173-182). EDN [DYRHQM](https://www.edn.ru/entry/20713665-2021-20-3-173-182).
29. Шаповалова И. С. Самоохранительное поведение молодежи: и жили они долго и счастливо? // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона : Матер. Всерос. науч.-практич. конф. / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, М. В. Певной. Екатеринбург : УрФУ, 2020. С. 181–188. EDN [RHPJLU](https://www.edn.ru/entry/18189601-2022-22-1-39-45).

Поступила: 17.08.2023. Принята: 15.09.2023.

Сведения об авторе:

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета. Белгород, Россия. shapovalova@bsu.edu.ru
Author ID РИНЦ: [477716](https://elibrary.ru/author_index.action?id=477716)

I. S. Shapovalova¹

¹ Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia

SELF-ASSESSMENT OF FINANCIAL STATUS AND SOCIAL STRATEGIES OF YOUTH

Abstract. As part of the study of youth social strategies, an important aspect is to determine those socialization factors that influence the choice of such strategies and their subsequent implementation. One of these factors is the economic situation of the family of young people – this factor creates different conditions for socialization, creating prerequisites for the formation of certain strategic dispositions, direction and horizon of life planning. The purpose of the article is to study the relationship between economic status and strategic dispositions in various areas of youth life planning and to prove the formation of certain attitudes for choosing social strategies in accordance with the economic conditions of socialization. The article presents the results of the sociological monitoring of 2022 “Social Strategies of Youth”, conducted in the Belgorod region, the key social strategies are analyzed from the perspective of the dispositional typology of young people with different economic status (high, above average, average, below average). The results of the study show a real connection between the economic conditions of socialization and attitudes in determining social strategies. A social paradox of the closeness of the strategic attitudes of polar groups with low and high economic status has been revealed.

Keywords: the youth; economic status; social strategies; social dispositions; stratification

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the state task FZWG-2023-0016, the topic «Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space».

For citation: Shapovalova I. S. Self-assessment of financial status and social strategies of youth. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):150–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.9>

References

1. Kisilenko A. V., Shapovalova I. S. Designing the Course of Life or How Do Youth See Their Future? *Sociological Studies*. 2023;(2):83–94. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250024385-6](https://doi.org/10.31857/S013216250024385-6).

2. Shapovalova I. S., Zavodyan I. S. Generation Z: values, dispositions and socialization results. In: *Generation Z: variety of identities, orientations, behavior*. Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet; 2021. P. 25–45. (In Russ.).
3. Shapovalova I. S. Problems of implementation of the state youth policy in the reflection of regional youth. *Russian journal of regional studies*. 2021;29(4):902–932. (In Russ.). DOI [10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932](https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932).
4. Belyaeva L. A. Generation Y in Russia: social stratification, position in the labor market and problems of political socialization. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2020;13(4): 220–237. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2020.4.70.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.13).
5. Didkovskaya Ya. V., Vishnevsky Yu. R., Trynov D. V. Students of industrial regions of Russia: social well-being and image of the future (The case of the Sverdlovsk region and the Perm krai). *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 2020;(1):8–24. (In Russ.). DOI [10.15593/2224-9354/2020.1.1](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.1.1).
6. Zaitsev D. V., Surkova I. Yu., Selivanova Yu. V. Socio-economic well-being and social tension in the Volga region. *RUDN Journal of Sociology*. 2019;19(3):494–502. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2019-19-3-494-502](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-494-502).
7. Obukhov K. N., Kolesnikov D. O. Socio-economic status of young people in the territory of the Udmurt Republic (based on annual monitoring materials “Youth of Udmurtia”). *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2019;3(2):131–138. (In Russ.).
8. Drobysheva T. V., Sarychev S. V., Murzina Yu. S. [et al.]. Economic socialization of students with different levels of economic mobility: factors and mechanisms. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2019;8(4):341–347. (In Russ.). DOI [10.18500/2304-9790-2019-8-4-341-347](https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-4-341-347).
9. Azaryonok N. V. Features of economic socialization of modern young people. *Actual problems of humanitarian and socio-economic sciences*. 2017;11(5):6–11. (In Russ.).
10. Drobysheva T. V. Consumer preferences of young people in a metropolis: a case study of their smartphone preferences. *Herzen University Studies: Psychology in Education*. 2020;(3):161–168. (In Russ.). DOI [10.33910/herzenpsyconf-2020-3-72](https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-72).
11. Zabelina E. V., Chestyunina Yu. V., Trushina I. A. [et al.]. The specificity of the structure of economic attitudes of youth in a multicultural society. *Ekonomicheskaya psikhologiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. 2019;(4):204–213. (In Russ.).
12. Smirnova N. P., Safonova M. A., Shabashova E. V. Interrelation of economic and psychological characteristics of the individual and moral choice. *Penzenskij psihologičeskij vestnik*. 2018;(2):54–70. (In Russ.). DOI [10.17689/psy-2018.2.5](https://doi.org/10.17689/psy-2018.2.5).
13. Azaryonok N. V. Monetary strategies of economic behaviour of the youth with different socio-demographic status. *Actual problems of humanitarian and socio-economic sciences*. 2018;12(5):6–10. (In Russ.).
14. Chuprov V. I., Bykova S. N. Russia’s youth on the threshold of the market: between poverty and destitution. *Sociological Studies*. 1991;(9):62–68. (In Russ.).
15. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Pevtsova E. A. Youth and crisis: dialectics of uncertainty and certainty in social development. Moscow: Russkoe slovo; 2009. 237 p. (In Russ.).
16. Zubok Yu. A., Chuprov V. I., Williams C. Youth in risk society. Moscow: Norma; 2015. 230 p. (In Russ.). ISBN 5-02-006294-4.
17. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Changing social reality amid crisis in the Russian society. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2017;10(1):41–57. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2017.1.49.3](https://doi.org/10.15838/esc.2017.1.49.3).
18. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Modern sociology of youth: changing reality and new theoretical approaches. *Rossiya reformiruyushchayasya*. 2017;(15):12–48. (In Russ.).
19. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Self-regulation of life purpose values in youth cultural space. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019;10(4):164–186. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2019.31.4.614](https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614).
20. Chuprov V. I. Social regulation of non-linear processes under conditions of uncertainty. *RUDN Journal of Sociology*. 2008;(3):53–65. (In Russ.).
21. Chuprov V. I. Self-regulation of the youth life in cultural space: the concept of socio-cultural mechanism. *Humanities of the South of Russia*. 2018;7(4):13–25. (In Russ.). DOI [10.23683/2227-8656.2018.4.1](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.4.1).
22. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Life values in the cultural space of the Russian youth. *Research result. Sociology and Management*. 2018;4(3):3–13. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1).

23. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth life strategies: implementation of expectations and social moods. *The monitoring of public opinion: economic and social changes journal*. 2020;(3):13–41. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1602](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602).
24. Zubok Yu. A., Chuprov V. I., Lyubutov A. S. [et al.]. Life positions in self-regulation of life activity of the youth. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021;12(3):79–98. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2021.12.3.738](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.738).
25. Shapovalova I. S. Leisure strategies of youth: factors of leisure choice and cultural map of leisure. In: Shapovalova I. S., ed. Scientific results of sociology – 2022. Coll. of art. based on mater. II International Scientific Online Forum. Belgorod: NIU «BelGU»; 2023. P. 196–204. (In Russ.).
26. Shapovalova I. S., Valieva I. N. Protest potential of regional students in Russia: social prerequisites. *Integration of Education*. 2022;26(2):345–362. (In Russ.). DOI [10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362](https://doi.org/10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362).
27. Shapovalova I. S. Political strategies of youth: will our politics be young? *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2022;22(1):39–45. (In Russ.). DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45).
28. Shapovalova I. S. Provincial youth career strategies. *Social'naya politika i sociologiya*. 2021;20(3):173–182. (In Russ.). DOI [10.17922/2071-3665-2021-20-3-173-182](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-3-173-182).
29. Shapovalova I. S. Health-saving behavior of young people: and they lived happily ever after? In: Vishnevskii Yu. R., Pevnaya M. V., eds. XXII Ural Sociological Readings. National projects and socio-economic development of the Ural region. Mater. of All-Russian sci.-pract. conf. Ekaterinburg: UrFU; 2020. P. 181–188. (In Russ.).

Received: 17.08.2023. Accepted: 15.09.2023.

Information about the author:

Inna S. Shapovalova, Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University. Belgorod, Russia.
shapovalova@bsu.edu.ru